Тишина повисла в воздухе, густая и тягучая, словно лунный свет, озарявший троицу. Луна, казалось, улыбалась, наслаждаясь неловким молчанием, которое висело между ними. Гарри, сузив глаза, словно хищник, готовящийся к прыжку, спросил: — Полумна, у тебя есть… трудности… с твоими вещами?Полумна, покраснев, опустила взгляд на свои ноги. — Ничего страшного, в конце концов все возвращается, — прошептала она.— Чушь собачья, — прошипела Гермиона, ее голос был полон негодования. Полумна, шокированная, уставилась на Гермиону. — Простите, — прошептала она, голос дрожал. — Это полный абсурд — считать воровство и домогательства приемлемыми. Ты хороший человек, Полумна, и нельзя позволять этим придуркам грубо обращаться с тобой.Полумна, широко раскрыв глаза, застыла на месте, словно статуя, на целых десять секунд, прежде чем броситься в объятия Гермионы. — Спасибо, спасибо, спасибо, — повторяла она, ее голос был полон радости и сдерживаемых слез.Гермиона, обнимая светловолосую девушку, почувствовала, как ее горло сжимается от нахлынувших эмоций. Сожаление, стыд, вина и решимость боролись внутри нее. Если кому-то в Хогвартсе и следовало сопереживать Полумне, так это Гарри и ей. Они знали, каково это — быть чужаком, отверженным и нежеланным. И все же на пятом курсе, когда Гарри и Гермиона стали "популярными людьми", они отвергли Полумну. Эмоционально избегали ее. Гермиона решила, что больше никогда.Трогательную сцену прервал первый звонок, прозвучавший над территорией. Полумна, вытирая щеки и сморкаясь, собралась с силами. Гарри, с нежностью, которую узнала только Гермиона, ласково обнял Полумну. Это были объятия старшего брата. Поттеры смотрели, как Полумна бежит по лужайке на урок трансфигурации. Гарри и Гермиона следовали за ней в гораздо более спокойном темпе. У них были Руны, а класс находился напротив Большого зала.— Это было плохо? — спросила Гермиона, ее голос был тихим и обеспокоенным.Гарри покачал головой. Быстро осмотревшись, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, он ответил:— Она была одна с тех пор, как умерла ее мать. Ее отец бросился в Квибблер после аварии. Может быть, он сделал это, чтобы избежать своего горя, я не знаю. Я знаю только, что последние три или четыре года он заметно пропал из ее воспоминаний. Вдобавок ко всему, она до смерти похожа на свою маму. — Он покачал головой и с силой выдохнул. — Я не могу сосчитать, сколько воспоминаний было о том, как она плакала во сне.Гермиона вздохнула.— Я не могу не помнить, как плохо я обращалась с ней на пятом курсе. Помогает то, что она не такая… ну, "Полумна", если вы уловили мою мысль.— Да. — Гарри немного помолчал, прежде чем пришел к единственному логическому выводу. — Полагаю, ее причудливое поведение было защитным механизмом от одиночества и горя, которые она испытывала. Спустя некоторое время это стало само собой разумеющимся, поскольку здесь ее презирали и отвергали. На этот раз нам придется стать лучшими друзьями.Обхватив Гарри за талию, Гермиона кивнула в знак согласия:— Да, так и будет.Роджер Дэвис был очень расстроен, когда Гарри рассказал о домогательствах, которым подвергалась Полумна. Шестикурсник Рейвенкло был очень высокого мнения о Гарри, и это не считая проблемы наследника Слизерина. — Я все улажу. Спасибо, что сообщили мне, ребята.— Руны были интересными, — прокомментировал Гарри, когда Дэвис оставил их позади, и они направились обратно в башню Гриффиндора. Гермиона смотрела на своего мужа с растерянным выражением лица. — А? — наконец спросила она.Гарри улыбнулся:— Я знаю, что ты старалась изо всех сил, но раньше я учил Руны грубой силой. Я никогда не понимал, как они повторяются в норвежском алфавите. — Он сглотнул улыбку и добавил под нос: — Конечно, во время обучения я не переставал тебя преследовать, так что некоторые из твоих уроков, как говорится, были "не по зубам".Она ухмыльнулась:— Я так и знала. Слава богу, что ты наконец-то набрался смелости и поцеловал меня. Я все равно собиралась сойти с ума и устроить с тобой злую возню той ночью.Гарри разразился изумленным смехом.— Вот так, вини парня.Она удовлетворенно хмыкнула, прислонившись к Гарри:— Ты учишься.Их смех эхом отражался от высоких потолков и каменных стен, когда они проходили через портал Толстой Дамы. Подойдя к лестнице, ведущей в общежитие, Гарри сказал Гермионе:— Я только брошу учебники на кровать, встретимся здесь через несколько минут?Она кивнула:— Мне нужно в

туалет, но я скоро спущусь.Он быстро чмокнул ее в губы и побежал вверх по ступенькам. Впервые за время пребывания в Хогвартсе он был по-настоящему счастлив, размышлял он про себя. В "первый раз" было много моментов, когда он был доволен и даже счастлив. Но сейчас, когда их с Гермионой отношения наладились, а непосредственной угрозы смерти не было, он был счастлив, несмотря на темные тучи на горизонте. Он влетел в дверь общежития для мальчиков третьего курса, но не успел дойти до своей кровати, как услышал усмешку. — Ну вот, теперь ты с ней трахаешься. Видимо, ты слишком хорош, чтобы общаться с нами, ничтожествами. Должно быть, она та еще шлюха. Может, если бы у меня было полное хранилище золота или красивые сиськи, ты бы со мной водился.Мальчик-Который-Выжил застыл на месте. Когда Гарри злился, происходило одно из двух: он либо разражался бешеной атакой, либо затихал и становился спокойным. Когда он затихал, он был наиболее опасен. Однажды он убил девятнадцать человек после того, как один громкоголосый Пожиратель смерти высказал в адрес Гермионы замечания, весьма похожие на те, что только что произнес некто Рональд Билиус Уизли. Он медленно повернулся лицом к Рональду Билиусу Уизли, который сидел на его кровати. — Что ты сказал? — прошептал Гарри, на его лице не было ни малейшего выражения. Что-то в тоне, выражении лица или манере поведения Гарри подсказало Рону, что на этот раз он зашёл слишком далеко. Каким-то образом он разбудил хищника, живущего в Гарри. Слишком поздно младший сын Артура Уизли вспомнил, что Гарри убил василиска, когда ему было двенадцать, и победил самого могущественного тёмного волшебника за последние сто лет, когда ему было одиннадцать. Рыжеволосый подросток не знал, что за десять лет Гарри научился и довёл до совершенства искусство убивать как можно быстрее и жесточе. И хотя его тринадцатилетнее тело не было таким тренированным и подтянутым, результаты этих тренировок всё равно проявлялись в том, как он себя держал. Многие находили это пугающим, но сейчас Рона Уизли это пугало. Выражение лица Рона сменилось с насмешливой злобы на страх и даже ужас. Не задумываясь, Гарри бросил свой ранец на сундук и грациозно надвинулся на рыжего. — Рон, — прошептал Гарри, скользя вперед, — ты долгое время был моим другом. Мой первый настоящий друг. — Поэтому я не стану обращать внимания на этот... проступок... по отношению к Гермионе. В следующий раз я вырву твой язык из твоей головы, — грозно произнес Гарри, нависая над Роном. Тот закивал, словно отбивая чечётку, и заверещал: — Прости! Прости меня! Я больше никогда не скажу ничего подобного!Гарри остановился, вглядываясь в лицо друга. "Мальчик-Который-Выжил" понял, что Рон — всего лишь тринадцатилетний подросток, которого всю жизнь берегли, как хрустальную вазу. Молли Уизли, несомненно, слишком опекала своих младших детей. В результате Рон оказался словно застрявшим в незрелости, не соответствующей его возрасту. Для Гарри это было неприятным откровением. Если Луну Лавгуд жизнь состарила намного больше, чем её двенадцать лет, то Рона, наоборот, отбросила далеко назад. Даже до "сброса часов" Гарри и Гермиона были мудрее своих лет, поэтому Рон никогда не замечал разницы в возрасте. Для него это всегда был просто "Рон, который Рон". Теперь Гарри видел всё иначе.Эта мысль пронеслась в голове Гарри мгновенно, словно молния. Покачав головой, он пробормотал: — Не делай этого снова, Рон. Прости, что я так резко отреагировал, но... только не надо наезжать на Гермиону. Покраснев и с трудом сдерживая гнев, Гарри уже собирался покинуть общежитие, как Рон прошептал: — Конечно, извини.

http://tl.rulate.ru/book/101686/3499257